

На новогодние каникулы Леночка ездит к маме.

Бабушка надевает на Леночку теплые колготы с выпуклой полоской, джинсы, свитер с Микки-Маусом – зеленым почему-то, – заплетает Леночке косичку, вручает банку сливового варенья, провожает до метро. Когда Леночке исполнилось девять, мама сказала, что уже можно и самой доехать: одна лишь пересадка, а дальше до конца ветки, сразу у выхода метро конечная автобуса, до остановки, по счету седьмой, там мама встретит.

Автобус Леночка находит сразу. Садится на бугристый дерматин сразу за спиной водителя, к окну, дышит на стекло, вытапливая проталину побольше, через которую пока видны лишь фонари и яркий, обведенный лампами абрис «Союзпечати».

Рядом садится тетенька. На ней плотное пальто – плохо гнущаяся драповая труба – и каракулевая шапка, тоже цилиндрическая, как обрезок трубы поменьше. Сумку с надписью *Russia* тетенька ставит на колени, протирает носовым платком запотевшие очки. Убирает носовой платок в карман, достает другой, сморкается.

- Ты куда одна? – спрашивает она, щурясь на Леночку.
- К маме, – отвечает Леночка. – Мне до ДК. Седьмая остановка.
- Я тебе скажу, когда выходить, – кивает тетенька. Леночка тоже кивает, сидит и ждет.

Она вообще-то знает, где ей выходить, все-таки уже второй раз едет – первый был на майских в том году. Но с тетенькой не спорит. С тетенькой рядом ей спокойнее немного, драп и мех как будто поглощают звуки, особенно со стороны прохода, где теснятся пассажиры, вы мне ногу отдавили, выходить на следующей будете, дайте тогда пройти, не толпитесь у выхода, люди.

Двери с шипением закрываются, автобус трогается. Мир катится за автобусным, пропитанным бензином духом боком. Мокрые дрожачие звезды фар проносятся парами, совсем как в хороводе, который Леночка с классом танцевали на хореографии. Вывески, понятные частями: «укты» и «цве ы», по тротуару бредут укутанные тени, подсвеченные снизу свежим снегом, подхваченные ветром. Тетенька следит, куда едет водитель, и вид у нее целеустремленный, как у капитана на обложке Жюль Верна.

Мама ждет на остановке. Не улыбаясь, она перехватывает пакет с банкой варенья, меряет взглядом сначала банку, после Леночку. В зимнем тлении фонарей ее лицо делается цвета и структуры пемзы, на губах красная помада, а вокруг губ морщинки, которые не расправляются, даже когда мама говорит:

– Пошли, Лен. Не тормози.

Мама идет, чуть подавшись вперед, будто что-то волочит. Так первоклашки несут в школу рюкзаки –

портфели в половину роста, и нужно немного наклоняться вперед для равновесия, иначе упадешь. Лена идет за мамой, старается не отставать, прыгает в глубокие мамины следы – дороги во дворах не чистили, и снега намело по щиколотку.

У мамы новая семья. Новый Муж раньше работал на рынке, теперь таксует по ночам. Еще у них Новая Девочка, она живет в маленькой комнате. Когда Лена видела ее в последний раз, она умела лишь лежать и плакать, но теперь покрупнела. Заметив маму с Леной, она встает в кроватке и раскачивает ее, держась за бортик и грозя перевернуть. Разувшись, мама уходит к Девочке, берет ее на руки, закрывает дверь спальни за собой.

Лена раздевается. Встряхивает куртку, и линолеум пятнает снег, который быстро тает, смешивается с талой грязью с Лениных сапог. Из большой комнаты появляется мамин Новый Муж.

– Привет, – подмигивает он, вручает Лене «твикс», а сам обувается – снова уезжает.

«Твиксу» Лена очень рада – бабушка такое не покупает, иногда приносит плитку шоколада, когда ей дарят, но тот обычно горький, с мелкой рудой орехов и балериной на обертке, Лена такой не очень любит. К Новому Мужу она относится лучше, чем к горькому шоколаду. Он вроде бы *нормальный*: много улыбается – за себя и за маму сразу, часто шутит и не пьет.

Новый Муж уходит, а Лена перебирает на маминим серванте косметику и прочие магические вещи для особых ритуалов, которые могут совершать лишь взрослые женщины, прекрасные, пахнущие духами, пудрой и цветами, одетые, как в «Бурда Моден». Духами Лена душится, причем сразу тремя. Мажет помадой губы. «Насыщенный сливовый» ей не очень-то идет, как и оттенок «сатиновый алый». Услышав мамины шаги из коридора, Лена быстро вытирает рот, размазывая сатиновый алый и насыщенный сливовый по тыльной стороне ладони (теперь на языке горько от духов), задвигает ящик.

– Лен, иди есть. Я рассольник разогрела.

– Рассольник?

Рассольник с перловкой иногда дают в школе на обед: зеленовато-рыжее варево, подернутое тонкой пенкой. В такие дни Лена обходится вторым.

– Другого нет.

Мама помешивает суп в кастрюле, пробует с ложки, оставляет булькать на маленьком огне. На столе лежит раскрытый детектив, текстом вниз, мягкой обложкой вверх, уголки закручиваются, как после бигуди. Мама углубляется в него. Лена садится на табурет у клетки с хомячком, и хомячок бежит, бе-

жит, бежит к ней в колесе. Колесо погромыхивает, хомячок косит на Лену загнанным безумным глазом. Лена болтает ногами в такт, потом раскачивается вместе с табуретом. Скучно. Но она привыкла ждать.

Рассольник закипает. Мама откладывает книгу, выключает газ и наливает – полтора половника себе, полтора Лене. Ставит тарелки на стол.

– Мам, да я не буду... – Лена хочет сказать, что она не голодна, но мама понимает все иначе.

– Упертая, в отца вся, – бросает поверх книжки разочарованный взгляд.

Это плохо, понимает Лена, быть в папу, потому что с папой у мамы непростые отношения еще с тех самых пор, как он запил.

Отца, вечно небритого и громкого, Лена давно не видела – она живет у бабушки лет с четырех. Помнит только кисловатый спертый воздух мытищинской квартиры, запахи масляной краски, скипидара, подписки Пикуля и Льва Толстого, спирта в рюмках, сигарет. Неужто и от нее семья будет бежать в ночи в пуховике, наброшенном на пижаму, ловить машину на шоссе – скорей, скорей, пока он не проснулся, – ехать к Тете или Бабушке? Она не хочет так, она же не такая вовсе.

Она хочет быть хорошей. Когда-нибудь она ей станет, и мама заберет ее совсем, поселит в комнате с Новой Девочкой. Там есть диван, в той комнате, он стоит рядом с Девочкиной кроваткой, и Лене на нем всегда спокойно спать. Жаль, редко получается.

Лена ест. Вкус у рассольника даже ничего, если о нем не думать. Если просто глотать, следя, как снег вальсирует в черном переломе космоса снаружи.

Недавно Лене подарили энциклопедию про астрономию. Как оказалось, в центре Млечного Пути есть черная дыра массой в четыре миллиона Солнц. Сила притяжения этой дыры так велика, что с ее поверхности не улетает даже свет. Поэтому она абсолютно черная. Непроглядная ловушка для всего.

– Лена молодец. Одни пятерки за полугодие, Аня, смотри, как надо заниматься, – говорит Тетя.

Аня, двоюродная Ленина сестра, кукуется, а Лене неудобно, хоть похвала приятна.

В мае, в последний день учебы, Лена получила грамоту за «отличные успехи» – это легко, не правда ли? Не получи она грамоты, вот тут-то все бы удивились, ведь Лена – это синоним пятерки и зубрилы. А спустя месяц-два любой успех теряет значимость, и Лена снова погружается в топкое и темное ничто, уходит за горизонт событий, где нет ни звука.

Мама не отвечает, стоит, привалившись к стене, накрыв рот рукой. Аня машет из спальни. Ленка машет ей в ответ. Ей очень неудобно, что так вот вышло. Не будь ее здесь, Аня бы сейчас спала.

– Лена башковитая у нас, – кивает мама и идет на кухню, разгружать пакет.

Ей помогает Вторая Бабушка, звенят бутылки – мама шампанское купила, долго выбирала в магазине. Шуршат пакеты и бумага, в которую на рынке завернули палку копченой колбасы. Мама рассказывает, как она сама в школе была хороша в математике, поэтому к математике у Лены талант врожденный и вроде бы уже немного не ее, а мамин.

Тетя, Дядя, Аня и Вторая Бабушка живут в ламповом хаосе, резко пахнущем котами, старыми обоями, табачным дымом. Обувь свалена у входа, на крючках столько вещей, что повесить сверху куртку невозможно, приходится класть ее на тумбочку под зеркалом. Пол скрипит, шкафы приоткрыты, показывают тряпичные языки, у окна навалены коробки, в которых тоже вещи. Лена осталась бы жить в этом пропитанном семейной жизнью беспорядке. Забилась бы за коробки с бельем, зарылась в кучу пыльного тряпья в углу, устроилась на подоконнике рядом с кошкой – почему она сама не кошка? Бродила бы целыми днями по квартире, смотрела из окна на кухню. Ее бы гладили и кормили, просто так, потому что она – это она.

Они с Аней картошку с котлетами не будут – не-а, есть не хочется, – потом тихонько тащат бутерброды с копченой колбасой и шоколад из коробки ассорти, пока мама и Тетя со Второй Бабушкой заливаются шампанским. Потом Дядя уезжает, он тоже работает в ночную смену, но не таксистом, а в метро. Лену с Аней укладывают спать – Аню на нижний ярус кровати, Лену на верхний. Они спать не хотят, ерзают, бегают по очереди в туалет («да сколько можно бегать, не слышишь меня совсем, сил

нет с тобой, вся ты в отца, ложись спать уже, да сколько можно»). Мама, Тетя и Вторая Бабушка курят на кухне, о чем-то тихо говорят. Под их разговоры, чувствуя легкий привкус дыма в воздухе, Лена засыпает.

Ее будит назойливый звонок в дверь.

За окном еще темно, на будильнике час ночи. Слышен встревоженный шепот. В коридоре вспыхивает свет, бьет Лене по глазам, а звонок бьет по ушам, снова. Кто-то снаружи держит кнопку и не отпускает, грохает по двери кулаком.

– Кто там пришел? – снизу шепчет Аня.

– Не знаю, – отвечает Лена.

Очень хочется спуститься и забраться в шкаф, уйти за Тетины платья и пальто, переждать там в мягкой, спокойной темноте.

Но дверь уже открыли. В квартиру прокрадывается подъездный сквознячок.

– Ленка где? – слышен особый голос папы, он говорит таким, когда приходит от друзей.

Дальше мама с папой спорят: мама говорит, что Ленка в порядке, папа не верит, он собирается Ленку увезти. Он много раз ей говорил не забирать Ленку, ты поняла, овца, ты поняла меня?

– Час ночи! Придурок, ты куда ее везти собрался? Спит она!

Грохот, треск – будто деревянную планку сломали пополам. Секунда слепящей тишины, потом мама и Тетя запоздало ахают. Дачтожтыделаешь, вопит Вторая Бабушка с пьяным трагическим надрывом.

– Ленка! – Папа кричит из коридора, а Ленка притворяется, что все же спит, хотя как под такое уснешь? Может, не услышав ответа, папа развернется и уедет? Унесет с собой сквозняк, крики, неуют.

Но нет: как есть, в огромном пуховике и ботинках, он заходит в комнату, заглядывает на второй кроватный ярус, хватая Ленку за плечо, трясет. От него пахнет спиртом, застарелый дух, вчерашний. На лысине в венце светлых волос блестят капли, будто снег растаял.

– Ленка, вставай, поехали.

Что делать – Ленка выбирается из-под одеяла. Натягивает колготы с выпуклой полоской, джинсы, свитер с зеленым Микки-Маусом, косичку заплетать ей некогда. Обувается, поглядывая на вмятину в двери, ведущей в туалет. В разломе видна стружка соломенного цвета, дээспэшные дверинные кишки. Папа стоит, ждет, следит, как Ленка возится с молнией сапог.

– Мам, пока.

Мама не отвечает, стоит, привалившись к стене, накрыв рот рукой. Аня машет из спальни. Ленка машет ей в ответ. Ей очень неудобно, что так вот вышло. Не будь ее здесь, Аня бы сейчас спала.

В папиной «девятке» душно и накурено, пахнет бензином, как в автобусе, только сильнее. Еще пахнет мокрой псиной. Чтобы не укачало, Ленка смотрит перед собой и дышит на раз-два.

– Чо недовольная такая? – спрашивает папа. – Вся в мать.

Ленка молчит, немного подбирается. Ей больше хочется быть как Тетя с Дядей, но ей, наверное, не судьба.

Бабушка, кажется, даже не удивлена, что Ленка с папой приехали в два ночи. Ленка устала, она уходит в комнату и садится на кровать. Вот ее энциклопедия, вот кружка с холодным чаем, в нем растворены три ложки сахара, Ленка допивает его залпом.

– Мишенька, может, покушаешь?

– Не, мать, поеду. У тебя тысяча будет? Пятнадцатого перечислят, я верну.

– Да, конечно. – Слышно, как бабушка шуршит в тканевой авоське, что висит на вешалке в прихожей. Шуршит авоська, шуршат купюры.

– Ага. Ленка, пока.

– Леночка, папа уходит!

Леночка выглядывает в коридор, машет рукой. Папа кивает и уходит, утаскивая за собой табак, собачью шерсть и спирт. Леночка снимает свитер с зеленым Микки-Маусом (волосы потрескивают электричеством, липнут к лицу), джинсы. Колготы так и остаются внутри, свисают из джинсовых штанин пустыми лапками, как сброшенная хлопковая кожа. Подтянувшись, Леночка забирается с ногами на подоконник – широкий, каменный, нагретый батареей, напоминающий своим теплом о лете в Крыму. По ночному проспекту Мира плывут звездочки-машины, два потока, один по часовой стрелке, другой – против. Папина машина вырывается из арки, вливается в автомобильный млечный путь в направлении Мытищ, уменьшается, становится звездой.

Леночка сидит и ждет.